*А.А.Опарина*

# ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ О «ХОЖДЕНИИ ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ВОСТОКА» ТРИФОНА КОРОБЕЙНИКОВА

До настоящего времени памятник конца XVI в. «Хождение по Святым местам Востока» Трифона Коробейникова остается для исследователей «литературной загадкой», история создания которой полна тайн и явных противоречий. «Мы не знаем здесь точно ни одного имени,— писала исследовательница «Хождения» М.А.Голубцова,— не можем указать ни одного автора во всей этой литературной эпопее»[1]. Приблизительно таким же образом обстоит дело со знанием исторической основы «Хождения». Речь идет о необходимости точного и целостного анализа реально-исторических событий, которые предшествовали и способствовали появлению этого произведения, прежде всего — непосредственных обстоятельств «государева» паломничества по Святым местам христианского Востока, описание основных этапов которого составляет документальную основу текста «Хождения».

Данный исторический комментарий представляет собой попытку разрешения отдельных спорных и неясных вопросов, возникающих при определении конкретных исторических данных царского посольства 1582—1584 гг., послуживших фактическим материалом для «Хождения» Трифона Коробейникова. Привлечение дополнительных литературных и документальных свидетельств того времени сделает исследование исторического плана древнего памятника более плодотворным, поскольку, согласно жанровым канонам, древнерусское хождение ограничивается краткой характеристикой паломничества во вступительной части, опираясь на которую, мы можем лишь в самых общих чертах судить об интересующих нас в данных заметках хронологических рамках, официальных причинах, предполагаемом маршруте и основных участниках посольства.

Начальная фраза «Хождения» Трифона Коробейникова звучит следующим образом: «В лете 7090 году в марте царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии послал с Москвы в Царьград и во Антиохею и во Александреоі и во святый град Иеросалим и в Синайскую гору и во Египет к патриархом и архиепископом и архимаритом и игуменом по сыне по своем по царевиче по Иване

Ивановиче милостыню доволну с московскими купцы с Трифаном с Коробейниковым да с Юрьем з Греком и с ними ездил своею охотою московский жилец Федор крестечной мастер да с ними же государь послал 500 рублев в Синайскую гору на сооружение церкви великия мученицы Екатерины, где лежало по преставленье тело ея на горе аггелы хранимо»[2].

Прежде всего обратимся к возможным доказательствам реальности самого факта Коробейниковского посольства, поскольку сомнения исследователей в этом отношении были довольно устойчивы. Остановимся на уточнении хронологических рамок путешествия. Преобладающее большинство списков «Хождения» указывает на 7090 год (т.е. с 1 сентября 1581 по 1 сентября 1582) как время отправления посольства Коробейникова. Именно данное указание следует считать верным, если учесть, что день кончины царевича Ивана Ивановича, событие, как объясняет «Хождение», послужившее одной из причин отправления паломников к Святым местам христианского Востока, принято относить к 19 ноября 1581 г. Упоминание в «Хождении» месяца марта в качестве «отправной точки» посольства можно признать за факт достоверный, поскольку, как указывают исследователи «Хождения» Х.М.Лопарев и М.В.Рубцов, некоторые рукописи содержат важное в этом плане дополнение: паломники покидают Москву марта «в 31 день, в великий пост», что «вполне согласно с действительностью, так как пасха в 1582 г. праздновалась 15 апреля»[3]. Рукописный вариант «в генваре» появился в более поздних по времени списках, испытавших влияние другого письменного памятника, связанного также с именем Коробейникова (имеется в виду «Хождение дьяка Трифона Коробейникова» 1594 г.).

Кроме того, существуют и более весомые исторические свидетельства реальности упомянутой в большинстве списков даты. Сохранился еще один письменный памятник, упоминающий о паломничестве 1582 г., так называемый греческий статейный список № 2, по которому следует, что «30 марта 1582 г. выехал из Москвы Иван Мишенин, посланный царем Иваном IV к восточным патриархам с милостынею по царевичу Иване Ивановиче»[4]. По общему признанию, в этом посольстве находился и Трифон Коробейников[5]. Ни царских «наказов», ни грамот, данных купцу Ивану Мишенину и его людям, не сохранилось. На возможность их существования указывает ответное послание Ивану IV александрийского патриарха Сильвестра: «и привезли они к нам твою светлую грамоту и твою царскую милостыню»[6]. Об этом же говорит и Х.М.Лопарев, ссылаясь на известного немецкого пастора Павла Одерборна, который «в то время их видел в канцелярии посольского министерства»[7]. Греческий статейный список № 2 дает нам сведения следующего порядка: 20 ноября 1582 г. Иван Мишенин появился

в Константинополе, где и пробыл 7 месяцев, раздавая «милостинныя деньги» по царевичу Ивану Ивановичу; «из Константинополя Мишенин пошел на Афон 20 июня 1583 г. морем», куда прибыл 3 июля для раздачи все той же милостыни; 5 сентября 1583 г. Мишенин отправился обратно, заручившись благодарственным письмом афонских старцев[8]. С грамотой вселенского патриарха Иеремии II (от 12 ноября) он через неделю покинул Константинополь (19 ноября), а 28 февраля 1584 г. (то есть еще до кончины Ивана Грозного) вернулся в Москву.

Сохранившиеся данные о посольстве Мишенина, которое связывают с именем Коробейникова, явно противоречат тексту «Хождения», основное содержание которого сосредоточено на описании палестинских и египетских христианских достопримечательностей, при этом Царьград и Афон даже не упоминаются. Этот факт в свою очередь позволил Х.М.Лопареву при издании «Хождения» усомниться в реальности путешествия по Египту и Палестине Трифона с его людьми, среди которых И.Мишенин не указан. Опорным пунктом в доказательстве вышесказанного для Лопарева послужило письмо патриарха Сильвестра, в котором внимание акцентируется на следующих строках: «А патриарх цареградский великие церкви пречистые Богородицы видел твоих рабов, что они смиренны были,— Иван да Трифон да Юрий, и привезли они к нам твою светлую грамоту и твою царскую милостыню, и патриарх цареградский со мною и с нами вместе твою царскую милостыню радостно приняли»[9]. На основании этого Лопарев делает вывод о состоявшейся в 1583 г. встрече послов русского царя с александрийским патриархом: «Мишенин, Трифон и Юрий встретили патриарха Сильвестра в Царьграде, где и передали ему милостыню», которая в свою очередь могла исключить необходимость путешествия непосредственно до места патриаршества Сильвестра — Египта[10]. Об ошибочности данного толкования письма писал еще М.В.Рубцов: «Слова "со мною и с нами вместе приняли твою царскую милостыню" не подразумевают никакого топографического указания на то, что Сильвестр, будучи вместе с Иеремией в Константинополе, именно там получил от русских посланников царское пожертвование, а лишь констатируют сам акт передачи милостыни, обоим патриархам предназначавшейся»[11]. Грамота Сильвестра не может точно ответить на вопрос, где были патриарху отданы пожертвования, но она закрепляет хронологические рамки путешествия и точно удостоверяет при этом другой не менее существенный факт, а именно: реальность путешествия Ивана Мишенина и Трифона Коробейникова с царским наказом, которое происходило во времена правления константинопольского патриарха Иеремии II (1580–1584 гг.) и александрийского патриарха Сильвестра (1566–1590 гг.)[12].

Что касается места предполагаемой встречи, то Сильвестр действительно нередко бывал в Константинополе. В ноябре 1583 г. он возглавлял Константинопольский собор, отвергший новый календарь Григория, что и засвидетельствовал собственноручной вместе с Иеремией подписью. Присутствие Сильвестра в Константинополе в ноябре 1583 г. не является неопровержимым доказательством того, что Коробейников не мог совершить до этого времени путешествие в Палестину и Египет. Именно к концу 1583 г., как можно судить по тексту «Хождения», относится возвращение Коробейниковского посольства из Египта через Константинополь в Россию, и действительно, «трудно, и даже невозможно, думать, чтобы он именно на обратном пути вздумал исполнить поручение царя, потому что оно уже должно быть исполненным, когда он был в Египте и лично видел там Сильвестра»[13]. При этом нужно учесть, что до 1583 г. Сильвестр в Константинополе не бывал: после собора 1575 г. он посетил Константинополь дважды, «первое из этих путешествий могло относиться к 1583 г.»[14].

К числу возможных доказательств реальности паломничества Коробейникова по землям Палестины и Египта можно отнести «Письмо Мелетия, александрийского патриарха, к Федору Иоанновичу, с упоминанием о своем поставлении на патриаршество»: «Тогда приходил *сюда* кир Трифон, неся милостыню достославного отца твоей царственности и дары на поминовение преблаженного князя Иоанна, твоего брата... мы спешили предти в Московию. Но когда мы прибыли в Константинополь, то нашли тамошний престол и народ Божий в большем волнении и, быв упрошены и даже приневолены архиереями, остались *там*... Потом вызвал нас *оттуда* упомянутый кир Сильвестр и принудил нас принять этот престол александрийского патриарха... По преставлении его пришел *сюда в Египет* святейший патриарх антиохийский и с другими архиереями рукоположил нас...»[15]. Безусловно, указания этого письменного источника на время и место описываемого слишком неопределенны для того, чтобы посчитать «Письмо...» за точное историческое свидетельство, но возможны и благоприятные для этого интерпретации, в частности толкование временнóго значения слова «тогда» как соотносимого с последними годами царствования Ивана IV (с 1581 — года смерти царевича Ивана по 1584 — год кончины самого царя Ивана IV — промежуток, в который и было совершено хожение Трифона Коробейникова) и толкование пространственного значения «сюда» как «сюда, в Египет» (по контрасту с «там», «туда» связанными с Константинополем). При таком прочтении подтекста послания Мелетия становится ясно, что выполнение одной из целей посольства Коробейникова, а именно — передача пожертвований Сильвестру, состоялось непосредственно во владениях александрийского патриарха, то есть в Египте.

В качестве подтверждения реальности путешествия Коробейникова в Палестинских землях могут быть использованы и сведения отдельных описаний Святого Востока, в частности купца Марка Самсонова: «А по государеву указу по царевиче князе Иване Ивановиче в Вифлиом милостины в 90 году послано 50 рублев»[16]. Это возможное доказательство не подтверждается, однако, прямым указанием на имена русских путешественников, от которых, предположительно, получила вифлеемская церковь пожертвование, но в свою очередь может быть опровергнуто последующими словами описаний: «да на отпуске дано вифлиомскому ж митрополиту по царевиче ж милостыни 108 рублев да 40 купец...»[17], которые можно принять лишь за упоминание частного факта посещения Москвы иерусалимскими старцами.

Столь же безлико и открыто для возможных комментариев и интерпретаций указание «Проскинитария» Арсения Суханова: «...прежде всего от Москвы никто не бывал, токмо при царе Иоанне Васильевиче посол был»[18]. Паломник 1634 г. Василий Гагара оставил в своем «Хождении» запись о царском посольстве 1582 г.: «И митрополит же о мне многогрешном возрадовася и вси греки, потому что опричь Трифана Коробейникова да меня многогрешного раба, из такова из далнаго государства из християнские веры не хто не бывал»[19].

Н.И.Прокофьев, ссылаясь на неизвестный до сего времени архивный документ[20], ответ думного дьяка Михаила Волошенинова на запрос царя Алексея Михайловича в Посольский приказ о путешествии Трифона, утверждает, что «ныне факт путешествия Трифона Коробейникова в 1583—1584 гг. на Восток нашел свое документальное подтверждение»[21].

Таким образом, принимая во внимание все вышесказанное, представляется возможным утверждать, что путешествие Трифона Коробейникова есть реально бывшее событие, причем нужно учесть следующие его особенности, о которых текст «Хождения» умалчивает. Трифон Коробейников в составе посольства во главе с Иваном Мишениным 20 ноября 1582 г. дошел до Константинополя, но далее их пути разошлись: Мишенин отправился для раздачи милостыни на Афон, а Коробейников с той же целью — в Иерусалим и Египет. Возвращение обоих разделившихся посольств предполагается в одно время: в указанные выше сроки посланники покинули Константинополь (19 ноября 1583 г.) и вернулись в Москву (26 февраля 1584 г.). За это время (с ноября 1582 г. по ноябрь 1583 г.) Коробейников со своими людьми побывал в Иерусалиме. «Хождение» указывает на 7 недель пребывания в «божественном» граде: «И жихом мы грешнии во святом граде Иеросалиме 7 недель и обходихом вся святая места, и благославихомся у патриярха и поклонихомся святым местам и святому граду Иеросалиму» (с. 47),

которого паломники достигли (по тексту «Хождения», и это не является точно установленной датой) накануне Святой Пасхи. «Можно предполагать,— обращался к упорядочиванию хронологии «Хождения» И.Е.Забелин,— что Трифон Коробейников был в Иерусалиме в Светлый праздник... Но в его описании незаметно никакой черты, могущей свидетельствовать, что о виденном говорит очевидец...»[22]. Вторично «Хождение» обращается к временной точности при описании Синая, где посольство остановилось в июне месяце: «И всех дней пребыхом в Синайском монастыре дватцать» (с. 68).

Не полностью прояснен столь важный при анализе исторической основы «Хождения» вопрос о паломниках 1582 г., исполнявших возложенную на них миссию Ивана IV, доподлинно нам известны лишь их имена. Что касается более подробных сведений, то они чрезвычайно скудны. «Хождение» ограничивается минимумом информации, изложенной во вступительной части, основной текст о главных исполнителях царского поручения умалчивает. В этом случае представляется возможным пополнить и разнообразить краткие сведения «Хождения» за счет использования дополнительных свидетельств «вне текста» и только тогда выдвинуть ряд гипотез на этот счет.

Трифон Коробейников — паломник, с именем которого связывают авторство «Хождения по святым местам Востока» 1582 г. О том, каковы могли быть побуждения этого человека, отправившегося в столь трудный путь, существуют только домыслы, подтверждение которых возможно, если принять во внимание некоторые исторические факты. Наиболее допустимо предположение о том, что путешествие Трифона стало возможно в качестве исполнения им особых царских поручений; официально заявлено в «Хождении» о двух из них: раздаче милостыни по «убиенном сыне» царевиче Иване и передаче пожертвований монастырским старцам Синайской горы на создание церкви великомученицы Екатерины.

Эта точка зрения категорически была опровергнута М.В.Рубцовым: «Ограничивать цель путешествия только исполнением царского поручения и уничтожать при этом религиозные мотивы хождения самого Коробейникова, значит представлять Коробейникова только в роли чиновника особых поручений, который, получив определенные прогоны и инструкции, по исполнении их, спешит вернуться назад»[23]. В любом случае исключать религиозные побуждения совершения путешествия на христианский Восток не следует; Святые места Иерусалима и Палестины, изначально знакомые любому христианину по библейским и евангельским текстам, окружены были в русском православном сознании ореолом притягательной силы, которая влекла к себе паломников, стремящихся «своима очима» лицезреть те края, где «походи Господе наш Иисус Христос

и Пресвятая Богородица». Интерес к восточным христианским достопримечательностям не исключается при учете обстоятельств хожения Коробейникова.

Указание на «справление» купеческих дел Коробейниковым может быть заложено в упоминании рода занятий посланника, поскольку восточный край всегда был привлекателен не только для поклонников по христианским культовым местам, но и для путешественников с торговыми интересами. Традиция торговых отношений славян с Востоком (причем более древняя, нежели паломничество) восходит к VI—VII вв., а с XVI в. торговые связи с Востоком приобретают устойчивый, постоянный характер. В самом тексте, однако, открыто декларируется «особый» характер поручения посольству — раздача милостыни — и нет ни одного указания на какие-либо торговые предприятия Трифона. Хотя проявление профессионального интереса можно прочесть в некоторых беглых замечаниях «Хождения» о географическом положении пристаней, о специфике местных достопримечательностей, которые любопытны и полезны могли бы быть именно для человека торгового: «...и туто приставают корабли, наполнивают сосуды воды пресные на проезд, чем питатись, и пускаютца по Белому морю по широкому в кораблех» (с. 3); «...туто родитца маслиц древо много, а делают в том граде масло деревяное и варят мыло грецкое и тут пристанище карабелное болшим караблем» (с. 4); «...в Кипре же острове сказывают, что родится ладон росный... правоверные человецы емлют его и продают купцем в вес и у себя держат» (с. 4); «...а серу емлют и продают купцем, тою серою конопатят корабли, которые ходят по Черному морю...» (с. 46). При этом необходимо учесть тот факт, что в русской традиции послание в «иные» земли людей купеческого звания отнюдь не означало проявления интереса к их торговым делам и не предполагало, что время их пребывания в восточных землях будет посвящено исключительно заключению коммерческих сделок (известны характерные в этом плане хождения гостя Василия, купца Василия Познякова и др., которые совершались по государеву указу и ради исполнения государевых поручений, далеких от торговых дел).

Таким образом, при выборе возможных вариантов в вопросе об истинных причинах, побудивших Трифона Коробейникова отправиться на Восток, вероятно, более допустимо остановиться на характере путешествия, совершение которого определяется царскими «наказами».

Трифон Коробейников стал известен не только благодаря хождению 1582 г., история располагает данными и об еще одном пребывании Коробейникова в восточных странах. В 1593—1594 гг. он сопровождал дьяка Михаила Огаркова, на сей раз была послана в Царьград и Иерусалим «заздравная» милостыня по случаю рождения у

царя Федора Ивановича дочери Феодосии: «...и бысть на Москве радость велия... И посла в Еросалим и во всю палестинскую землю по монастырем с милостынею Михаила Агаркова с товарыщи со многою доволнею милостынею»[24]. При себе посольство имело «наказ и роспись», в росписи же было сказано о том, «что с ними послано, где что велено дати, роздать, а в которых местех и кому именем что тое государевы милостины дано и тому росход»[25]. Сохранился «Отчет о раздаче милостыни на Востоке в 1594 г.», который, наряду с «Хожденнем» 1594 г., принято приписывать перу того же Коробейникова. Данное посольство, побывав в Константинополе (апрель 1593 г.), в Иерусалиме (сентябрь 1593 г.) и Антиохии (апрель 1594 г.), передав «заздравную» всем четырем православным патриархам, инокам в монастырях, «старцем и старицам», «старым и увечным», «в тюрьму сидельцом и русским полонеником», возвратилось «с великою честию» в Москву в 1594 г.

Для нас этот факт примечателен тем, что во второе свое хождение Коробейников назван дьяком, следовательно, по возвращении в Москву еще в 1584 г. купец Коробейников был награжден должностью дворцового дьяка. Вероятно, миссия, возложенная на него Иваном Грозным, была выполнена полностью, за что посланник удостоился милости царя; не последнюю роль сыграла и благодарственная грамота патриарха Сильвестра, процитированная выше.

Новую должность Коробейников мог получить по приказу самого Грозного сразу же после своего возвращения (в феврале 1584 г.), но доподлинно известно только то, что в 1588—1589 гг. Трифон уже состоял на службе в Дворцовом приказе. Данные об этом мы находим в «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы»: «...96 году. Июля в 26 день дано дьяком Степану Твердикову да Трифону Коробейникову к государеву платью на чехол полотно тверское... 97 году розход полотном. Дано диаком Степану Твердикову да Трифону Коробейникову к государеву царя и великого князя платью на шитье полотно нитей»[26]. Более имя дьяка Трифона Коробейникова не значится нигде. Нами найдено упоминание некоего Матвея Коробейникова, который по архивным документам известен как «дьяк Казенного двора» в 1605, в 1607 г. на свадьбе царя Василия дьяк, по-видимому, того же приказа, в 1608/09—1610/11 дьяк на Казенном дворе[27]. Точное отождествление этих двух лиц, однако, лишено достаточных оснований, если даже при этом принять во внимание ономастические ссылки на бытование в России XVI в. обычая называть одного человека двумя христианскими именами одновременно (из двух имен «одно пускалось в обращение, а другое (данное при крещении) хранилось в тайне»[28]). Следовательно, как уже было сказано, 1594 годом можно ограничить сведения о путешествиях и самом путешественнике Трифоне Коробейникове.

В связи с изложенными фактами между исследователями «Хождения» возник спор по поводу подлинного социального положения предполагаемого автора. Так, Х.М.Лопарев категорически возражал против того, что Коробейников был назван московским купцом (в большинстве списков использовано именно это указание и большинство биографических справочников и словарей опираются именно на него[29]). Сомнение исследователя вызвал следующий вопрос: каким образом купец через 6 лет мог стать дьяком? Подобные опасения высказал и издатель «Хождения» 1594 г. И.Е.Забелин, предполагая при этом, что «едва ли когда Коробейников был купцом — он просто был подьячим, но отправляясь в путешествие в чужие края по царскому поручению, он должен был ехать под видом купца, якобы по своим делам, из боязни навлечь на себя подозрение со стороны Литвы, Валахии или Турции в каких-либо политических поручениях»[30].

Подобное утверждение допустимо, но и легко может быть подвергнуто обоснованной критике, так как истории известны случаи открытого посольства царских людей «под видом административных»: в 1512–1514 гг. дьяка Михаила Ивановича Алексеева, в 1563 г. дьяка Андрея Клобукова в Польшу, в 1576 г. Андрея Арцыбашева к императору Максимилиану II, в 1580/82/85 гг. дьяка Дружины Петелина в Польшу, в 1586 г. подьячего Михаила Огаркова в Константинополь, в 1593 г. дьяка Михаила Огаркова и того же Трифона Коробейникова, названного в этом случае дьяком, в Константинополь и т.п.[31] Признавая значимость подобного факта, Х.М.Лопарев тем не менее более склонен считать, что «Коробейников никогда не был торговым человеком», а причина стойкого называния его московским купцом кроется в тексте, а точнее в его лакуне[32]. Первоначально, предполагает исследователь, в древнейшем списке «Хождения» могло значиться «...с московским купцом с Иваном Мишениным да с подьячим Трифаном...», впоследствии по небрежности переписчиков определенные слова были выпущены, а «московским купцом» изменилось в «московскими купцы», что тут же было воспринято как указание, относимое к Трифону и Юрию Греку. В своем допущении, в котором «нет ничего невероятного», Х.Лопарев ссылается на пропуск в таком же роде: в Копенгагенском списке «Хождения» Василия Познякова в титулатуре «при святейшем папе и патриархе Макарии митрополите всеа Русии» лакуна определяется словами «при святейшем папе и патриархе Иакиме александрейстем и при преосвященном Макарии»[33]. Однако один пропуск не предполагает обязательности другого, ему подобного. И вряд ли это возможно, ибо вне внимания переписчика, как получается, остался глава изначального московского посольства; кроме того, имени Ивана Мишенина при описании путешествия по Египту и Палестине быть не могло по выше-

указанной причине разделения паломнических миссий Мишенина и Коробейникова. Возражение по поводу того, что купец по истечении времени оказался дьяком, не очень существенно: продвижение по служебной лестнице во времена Ивана Грозного совершалось непосредственно по царским указам. Так, зачастую назначение в дьяки, особый чин правительственной администрации в Русском государстве, производилось вопреки предустановленному порядку (то есть в дьяческий чин — после долголетней практики — из подьячих, более мелких по своему статусу служащих): «...старшинство почти никогда при произвождениях наблюдаемо не было, а все чинилось по милости монаршеской и по заслугам»[34]. Желание государя играло в этом случае роль определяющую и зависело от важности выполняемых во благо его услуг. В XVI в. новоиспеченная и все более растущая система приказов потребовала для обслуживания своих нужд большого количества приказных лиц, обладающих достаточным уровнем грамотности. В связи с этим привычным явлением для середины и конца XVI в. стало пополнение служилых дьяков за счет тех сословий, что не пользовались почтением в кругах высшей знати, но представляли собой своего рода средневековую интеллигенцию, в среде которой грамотность была наиболее распространена. Речь идет о духовенстве и торговых людях[35]. Сохранились свидетельства о служивших в то время в государственном аппарате дьяках из торговых людей: дьяк Анфим Селивестров, как и отец его, вел торговлю, и в торговых делах ему «верили и зде и иноземцы», дед дьяка В.Щелкалова был «конским барышником», к крупным купеческим фамилиям принадлежал новгородский дьяк Ф.Д.Сырков, а брат его был «старостой большим» в Новгороде[36]. Таким образом, Трифон Коробейников мог стать одним из тех «дворян пера и чернил», что выдвигались в качестве царских «фаворитов», благодаря собственному умению расположить к себе государя силой незаурядного ума, опытности и дипломатической ловкости. В таком продвижении купца, следовательно, ничего необыкновенного и «сомнительного» быть не могло.

Кроме того, видимо уже тогда, в 1584 г., царь мог предположить продолжение поездок Коробейникова за пределы России, так как тот отличился ведением дел с иноземцами. Именно из-за этого могло произойти повышение Коробейникова до должности дьяка, поскольку для выполнения миссии посланника требовалось и определенное социальное положение: «официальный придворный статус главы и членов посольства должен был строго соответствовать их дипломатическому рангу»[37]. Подобные случаи, когда человек относительно низкого звания получал придворный чин для того, чтобы достойно представить государя русского престола в иноземных странах, в истории русской дипломатии бывали. Так, в 1603 г. М.Г.Салтыкову царь «боярство дал для посольства»[38].

Дополнительную характеристику личностных качеств Т.Коробейникова содержит анализ данного факта. Если учесть, что в России того времени дьяки представляли собой «реальных исполнителей предначертаний великокняжеской власти», а следовательно, и ценились у царя особо, то можно предположить, что и Трифон Коробейников соответствовал тем требованиям, которые предъявлялись этим служилым людям, исполняющим при дворе всевозможные функции, занимаясь как «текущей работой по руководству дворцовым хозяйством», так и вопросами, выходящими за пределы дворцового управления[39]. Чин дьяка предусматривал не только навыки и ловкость в канцелярской работе, но и «довольную» грамотность, умение читать, писать, твердо знать «законы, предания, обряды»[40]. Всеми этими качествами, несомненно, мог обладать и Коробейников, получивший особое расположение царя.

Таким образом, информация о главе палестинского посольства 1582 г. переходит на уровень предположений, выводимых из сопоставления исторических фактов того времени. Кроме того, источниковая база ограничена настолько, что за пределами нашего дознания остается и год рождения, и год смерти, и прочие значительные факты биографии этого путешественника, бывшего купца, исполнительного и пользовавшегося доверием монарших лиц дьяка, совершившего два паломничества на Восток и оставившего после себя литературную славу составителя «хождений».

Относительно других участников посольства сведения еще более ограниченны. Нам не известно даже то, насколько реальны были эти лица. Одним из них назван Юрий Грек. Кто в данном случае имеется в виду, сказать точно невозможно, так как, кроме имени, в «Хождении» не указано ничего. Х.М.Лопарев предполагал в качестве возможного исторического лица известного Юрия Дмитриевича Грязнóго, по прозванию Грек, из богатого и именитого рода Головиных. Но при этом возникала проблема хронологического плана: как указывает исследователь, известно, что дядя Юрия Грязнóго «Иван Владимирович Хозюк погиб на возвратном пути из Иерусалима в 1475 г.», поэтому сам Юрий «мог жить лишь в первой половине XVI в.»[41]. Однако исторический материал, касающийся этого вопроса, значительно шире. Сохранились следующие факты: в 1485 г. Юрий Грек был послан с грамотой великого князя Ивана III к папе Иннокентию, с поручением «звать в Москву лекарей, пушечного и серебряного дела мастеров, каменщиков добрых, которые умели бы церкви и палаты строить» (без сомнения, это и был Юрий Траханиот, сын Дмитрия Владимировича Головина по прозванию Овца, о котором в летописи упоминается, что в 1486 г. он построил каменные палаты); в 1490 г. Юрий Грек назначен царским посланником в Рим, а «в 1500 г. Дмитрий Владимирович Овца был с сыном своим на свадьбе Холмского»[42]. При

наличии данных неопровержимых свидетельств предположение о том, что с Коробейниковым в посольстве 1582 г. был Юрий Дмитриевич Головин, абсолютно теряет смысл.

Относительно этого имени, упоминаемого «Хождением», бытовала еще одна версия, указывающая на некоего Обрюту Михайлова Грекова, обучавшегося по царскому велению при константинопольском патриархе греческому языку, а впоследствии ставшего посланником[43]. Действительно, в январе 1551 г. Иван IV посылает к константинопольскому патриарху Дионисию «своего паробка Обрюту Михайлова, сына Грекова, которого просил держать при себе, доколе научится греческой грамоте и языку, и издержки же за него обещал заплатить; если же у себя ему учить неуместно, то послал бы в монастырь Афонский святого Пантелеймона...». А в грамоте января 1557 г. царь просит патриарха «возвратить его паробка Обрюту, которого посылал к преждебывшему патриарху Дионисию учиться греческой грамоте»[44]. Направление из Москвы в грекоязычный Константинополь «ребят» да «паробков» для обучения языку было широко распространено на Руси в XVI в., таким образом увеличивалось число русских людей, знающих по-гречески, и создавался своеобразный штат переводчиков как для нужд внутренних, так и для «хожений» по странам грекоязычным, поскольку существовало традиционное мнение о том, что «...в Царьград бо аки в дуброву внити, и без добра вожа (проводника) невозможно ходити»[45]. Если предположить, что Обрюта есть мирское имя Грека, крещенного церковным именем Юрий, то эта версия, как утверждает В.Иконников, «без сомнения» оправдана: Юрий Грек, обученный по царской воле в Константинополе греческому языку, мог быть отправлен Иваном IV для сопровождения в качестве «толмача» посольства Коробейникова.

Возможен еще один вариант. В грамотах того времени упоминается некий Юрий Греков, имеющий сына Константина, названного богатым московским купцом, предположительно, и сам из купеческого сословия[46]. Известно, что в 1569—1570 гг. (7078 г.) К.Ю.Греков купил у опального князя Гундорова Романа Ивановича подмосковную вотчину, а в 1570 г. завещал ту же вотчину Троице-Сергиеву монастырю по «Духовной грамоте»: «Се аз раб божий Костянтин Юрьев сын Грек пишу сию духовную грамоту целым умом. Дал есми при своем животе к живоначальные троицы и к чюдотворцу Сергию и Никону вкладу по своей душе и по отце своем по Юрье и по матери по своей по Анне и по своей семье по Офимье... а за тот им мой вклад пожаловати за мое здоровье бога молити и отца моего Юрья и матерь мою Анну и семью мою Офимью написати в сенаник за тем же вкладом»[47]. По содержанию грамоты можно предположить, что Юрий Греков, отец упомянутого купца, находился в то время в добром здравии. По «Купчей на

проданную князем Р.И.Гундоровым Константину Юрьеву сыну Греку вотчину в Пехорском и Васильцове станах Московского уезда» Греков назван «выезжим», то есть «прибывшим на службу из-за рубежа». На греческое происхождение купца, а также возможное знание им греческого языка указывает и его семантически емкая фамилия. Формирование фамилий началось только в XVI в., и в то время они представляли собой значимые прозвища; прозвища по месту происхождения составляли бо́льшую часть и возникали «как дополнительный знак описания того или иного человека»[48]. Следовательно, и Юрий Греков, выезжий из какой-то грекоязычной страны и ставший в Московском государстве богатым купцом, а значит, и заметной фигурой, мог быть привлечен на ту же должность «толмача» при Коробейниковском посольстве; возможно и то, что путешествие проходило по землям, знакомым Греку не понаслышке. На этом факты и построенные на основе их гипотезы о предполагаемом участнике посольства 1582 г., помеченном в тексте «Хождения» именем Юрий Грек, исчерпываются.

О последнем названном по имени паломнике, сопровождавшем Трифона Коробейникова, известном еще меньше «московском жильце Федоре, крестечном мастере», мы можем сказать лишь то, что московский «крестечник», то есть мастер, изготовляющий нательные кресты, отправился в путь по добровольному желанию самолично увидеть христианские святыни Востока или ради разрешения вопросов профессионального мастерства. К тому можно добавить еще лишь то, что в Древней Руси слово «жилец» могло значить и определенный чин в иерархической государственной лестнице служащих. Это были «ратные люди из свободного состояния (то есть казаков, стрельцов), желающие себя отличить, они жили в столичном городе как для защиты онаго от неприятелей, так и для иных служб, из них же употреблялись в разные посылки и в дальние походы»[49]. Это могло быть и дополнительным фактом о Федоре, если бы не противоречило первой версии, в данном случае наиболее приемлемой.

Таким образом, мы располагаем довольно скудными и краткими сведениями о непосредственных участниках посольства и некоторых обстоятельствах его совершения, если опираемся только на текст «Хождения». Использование дополнительной информации «вне текста» делает возможным ряд гипотез на этот счет. В любом случае историческое комментирование подтверждает реальность царского посольства 1582 г., послужившего фактической основой написания этого произведения паломнического жанра конца XVI в., и является источником дополнительного объема сведений исторического плана, необходимых при литературном анализе данного древнерусского памятника.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Голубцова М.А. К вопросу об источниках древнерусских хождений в святую землю /Поклоненье святого града Иерусалима 1531 г. // Чтения общества истории Древней Руси. 1911. Кн. 4. С. 50.

[2] Хождение по святым местам Востока Трифона Кобейникова // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. 9. Вып. 27. С. 1–2. Далее ссылки на это издание будут приведены в основном тексте с указанием в скобках страниц.

[3] Лопарев Х. М. Предисловие // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. 9. Вып. 27. С. XXII; Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в святые земли в 1582 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1901. Апрель. С. 366.

[4] Греческий статейный список № 2 // Чтения общества истории Древней Руси. 1897. Кн. 3. С. 22.

[5] Лопарев Х.М. Предисловие...; Русский биографический словарь. СПб., 1903. С. 267; История русской литературы. М.—Л., 1946. Т. 2. Ч. 1. С. 514; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Ч. 1. С. 496.

[6] Цитируется по: Лопарев Х.М. Предисловие... С. IV.

[7] Цитируется по: Лопарев Х.М. Предисловие... С. II.

[8] Греческий статейный список № 2. С. 22.

[9] Цитируется по: Лопарев Х.М. Предисловие... С. IV.

[10] Лопарев Х.М. Предисловие... С. IV.

[11] Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова... С. 368.

[12] Полный месяцеслов Востока. М. 1876. Т. 2. С. 253, 256.

[13] Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова... С. 368.

[14] Малышевский И.И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев. Т. 1. С. 268.

[15] Малышевский И.И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев. Т. 2. С. 3.

[16] Цитируется по: Лопарев Х.М. Предисловие... С. XXX.

[17] Цитируется по: Лопарев Х.М. Предисловие... С. XXX.

[18] Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Ч. 8. С. 202.

[19] Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлевича Гагары // Православный Палестинский сборник. 1891. Т. 11. Вып. 3. С. 9.

[20] РГАДА. Ф. 138. Д. 5. Л. 1–3.

[21] Прокофьев Н.И. Литература путешествий XVI–XVII в. // Записки русских путешественников XVI–XVII в. М., 1988. С. 15, 439.

[22] Забелин И.Е. Послание царя Ивана Васильевича к александрийскому патриарху Иоакиму с купцом В.Позняковым и Хождение купца Познякова в Иерусалим и по святым местам 1558 г. // Чтения общества истории Древней Руси. 1884. Кн. 1. С. 7.

[23] Рубцов М.В. К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова... С. 368.

[24] Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1791. Ч. VIII. С. 25.

25 Отчет дьяка Трифона Коробейникова // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. 9. Вып. 27. С. 84.
26 Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы по определению Московской городской думы. М., 1884. Ч. 1. Стлб. 1218, 1221.
27 Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. № 42. С. 77; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М. 1907. С. 271; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV—XVII в. М., 1975. С. 263.
28 Токмаков Н.И. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 19.
29 Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1819. Т. 2. Кн. 8. С. 135; Макарий. История Русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. Кн. 2. С. 528; Строев П. Словарь библиологический и черновые материалы // Записки Имп. АН. СПб., 1882. Т. 41. Кн. 1. С. 82; Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1917. Т. 25. С. 231; Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. Стлб. 969.
30 Лопарев Х.М. Предисловие... С. XX.
31 Русские представители в Царьграде /1496—1891/. Исторический очерк В.Тептова. СПб., 1891. С. 70; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России /по 1800 г./. СПб., 1896—1902. Ч. 4. С. 18, 162, 182; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1882. Т. 1. С. 545.
32 Лопарев Х.М. Предисловие... С. XXI.
33 Хождение Василия Познякова // Православный Палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3. С. 1.
34 Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географий и генеалогии российския касающихся, изданная Н.Новиковым. М., 1791. Ч. 2. С. 169.
35 Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России /XVII—XVIII вв./ М., 1964. С. 210.
36 Проннтейн А.П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 30, 147; 221—222; Шмидт С.О. О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 185.
37 Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... М., 1988. С. 32.
38 Юзефович Л.А. Как в посольских обычаях ведется... С. 30.
39 Леонтьев Д.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 78.
40 Карамзин Н. История государства российского. СПб., 1891. Т. 9. С. 445.
41 Лопарев Х.М. Предисловие... С. XX. Примечание.
42 Древняя российская вивлиофика... Ч. 2. С. 3; Карамзин Н. История государства российского. СПб., 1891. Т. 6. С. 74. Примечание 106; Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор... С. 268.
43 Макарий. История... Т. 8. С. 364; Соловьев С.Н. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Т. 12. С. 131.

[44] Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 69.
[45] Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Ч. 8. С. 55.
[46] Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 287.
[47] Садиков П.А. Из истории опричнины // Исторический архив. М.—Л., 1940. Т. 3. С. 248—249, 251—252.
[48] Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959. С. 33.
[49] Древняя российская вивлиофика... 1791. Ч. 2. С. 157, 169.